

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-35>

УДК 340.114.5

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Матюшенко К.Б.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация. В статье исследуется проблема структурной организации правового менталитета как сложного социально-правового феномена. Автор анализирует существующие доктринальные подходы к структурированию правового менталитета, разработанные в рамках философской, социологической и юридической традиций. Выявляются методологические ограничения преобладающих дихотомических и стратификационных моделей структурной организации правоментальной сферы. Обосновывается эвристическая продуктивность функционального подхода к структурированию правового менталитета. Предлагается авторская функциональная структурная модель правового менталитета, базирующаяся на дифференциации его элементов по критерию выполняемых специфических функций в правовой жизнедеятельности субъектов. Разработанная модель включает четыре взаимосвязанные функциональные подсистемы: когнитивно-репрезентативную, аксиологически-нормативную, эмоционально-психологическую и праксиологическую. Раскрывается функциональное предназначение каждой подсистемы, их структурное содержание и механизмы взаимной детерминации. Обосновывается методологическая ценность предложенной модели для анализа деструктивных трансформаций правоментальной сферы в условиях социально-правовых изменений.

Ключевые слова: менталитет, правовой менталитет, структура правового менталитета, деструкция правового менталитета, функциональная модель, правовое сознание, правовое мышление, правовые ценности, правовые чувства, правовые установки, методология правовых исследований, структурно-функциональный анализ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF LEGAL MENTALITY:
A FUNCTIONAL MODEL

Kseniya B. Matyushenko

Natochieva North Caucasian branch of the Russian State University of Justice named After V.M. Lebedev

Abstract. This article examines the structural organization of legal mentality as a complex socio-legal phenomenon. The author analyzes existing doctrinal approaches to structuring legal mentality, developed within the philosophical, sociological, and legal traditions. The methodological limitations of prevailing dichotomous and stratified models of the structural organization of the legal mental sphere are identified. The heuristic effectiveness of a functional approach to structuring legal mentality is substantiated. The author proposes a functional structural model of legal mentality, based on the differentiation of its elements based on the specific functions they perform in the legal activities of subjects. The developed model includes four interconnected functional subsystems: cognitive-representational, axiological-normative, emotional-psychological, and praxeological. The functional purpose of each subsystem, their structural content, and the mechanisms of mutual determination are revealed. The methodological value of the proposed model for analyzing destructive transformations of the legal-mental sphere in the context of socio-legal changes is substantiated.

Keywords: mentality, legal mentality, structure of legal mentality, destruction of legal mentality, functional model, legal consciousness, legal thinking, legal values, legal feelings, legal attitudes, legal research methodology, structural-functional analysis.

Funding: Independent work.

Введение.

Проблематика структурной организации правового менталитета представляет собой одну из наиболее сложных и вместе с тем недостаточно разработанных областей современной юридической науки. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к феномену правового менталитета как глубинной, устойчивой характеристики правосознания личности и социальных общностей, вопрос о его внутренней структуре остается дискуссионным и не

получил исчерпывающего разрешения в доктрине. Между тем адекватное понимание структурной организации правового менталитета имеет не только теоретико-познавательное, но и существенное практическое значение, поскольку позволяет идентифицировать механизмы формирования, трансформации и деструктивного изменения правоментальной сферы, что особенно актуально в условиях интенсивных социально-правовых преобразований, переживаемых современным российским обществом.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является разработка структурной модели правового менталитета, обеспечивающей адекватное понимание механизмов его формирования и трансформации, а также позволяющей идентифицировать компоненты правового менталитета, подверженные деструктивным изменениям в условиях социально-правовых трансформаций.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- провести анализ существующих доктринальных подходов к структурной организации менталитета в философской, социологической и юридической науке;
- выявить методологические ограничения существующих концепций структуры правового менталитета;
- обосновать критерии дифференциации структурных элементов правового менталитета;
- сконструировать структурную модель правового менталитета и раскрыть содержание ее основных компонентов;
- эксплицировать характер взаимосвязей между выделенными структурными элементами.

Методы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Системный подход позволяет рассматривать правовой менталитет как совокупность взаимообусловленных и взаимодетерминированных элементов, объединенных общностью функционального предназначения. Метод моделирования обеспечивает возможность конструирования описания структурной организации правового менталитета, опираясь на фундаментальные закономерности функционирования человеческой психики в правовой сфере. Структурно-функциональный анализ позволяет идентифицировать отдельные структурные составляющие правового менталитета и эксплицировать их функциональное предназначение. Компаративный метод используется для сопоставления различных доктринальных концепций структурной организации правового менталитета и выявления их преимуществ и недостатков.

Обсуждение.

Композиционное построение правового менталитета представляет собой многомерную научно-познавательную проблему, требующую комплексного методологического инструментария.

Исследование структурных характеристик столь сложного, синкретичного и самоорганизующегося феномена требует обращения к теоретическим основаниям моделирования и системного анализа.

Моделирование как эвристический прием позволяет конструировать описание изучаемой системы, опираясь на фундаментальные закономерности и методологические принципы соответствующей предметной области.

Системный подход, в свою очередь, предоставляет возможность рассматривать явления в качестве совокупности взаимообусловленных и взаимодей-

ствующих элементов, объединенных общностью функционального предназначения.

А.А. Богданов в числе первых исследователей, применивший методы системного анализа к идеальным объектам, констатировал: «И хоть какой продукт духовного творчества - научная теория, поэтическое произведение, система правовых либо нравственных норм, имеет свою архитектуру, составляет расчлененную совокупность частей, выполняющих разные функции, взаимно дополняя друг друга»[1].

Генезис научных представлений о структурной организации менталитета восходит к исследованиям школы «Анналов». Ж. Дюби разработал иерархическую модель, выделяя глубинные биологически детерминированные уровни ментальной организации. Следующий страт, согласно его концепции, формируют базисные репрезентации и поведенческие паттерны, характеризующиеся исторической устойчивостью и межпоколенческой трансляцией. Поверхностный уровень ментальной структуры образуют динамически изменяющиеся процессы, подверженные трансформации в каждом новом поколении[2].

Таким образом, в структуре менталитета дифференцировались уровни по критериям изменчивости, соотношения биологического и социокультурного начал, глубины залегания структурных компонентов. Феноменологическое многообразие манифестаций менталитета детерминирует его сложностную структуру, проявляющуюся в поведенческом, когнитивном и аффективном измерениях. Преобладающее большинство исследователей признаёт доминирующую роль когнитивных аспектов в системной организации менталитета, конвергируя во мнении относительно наличия в его структуре ценностно-смыслового ядра.

При установлении структурных характеристик правового менталитета и его дифференциации от смежных явлений полагаем возможным согласиться с П.К. Дашковским в том, что наиболее оптимальным является структурно-семиотический подход, достаточно фундаментально разработанный и апробированный представителями структурализма как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции[3].

В рамках данного методологического подхода правовой менталитет подлежит рассмотрению на двух взаимодополняющих уровнях – структурно-аналитическом и знаково-символическом.

Первый предполагает исследование отдельных структурных составляющих правового менталитета, которые, в свою очередь, образуют систему специфическим образом реализуемых элементов.

В рамках второго уровня осуществляется семантическая интерпретация зафиксированного феномена[4].

В этом контексте, заслуживает внимания модель, предложенная О.Г. Усенко, который предпринял попытку визуализации структуры менталитета посредством архитектурной метафоры. Согласно его воззрениям, менталитет может быть репрезентирован в качестве сложностной конструкции, где фунда-

ментальное основание образует сфера «коллективного бессознательного», тогда как верхний уровень конституирует индивидуальное сознание.

Структурную композицию менталитета, по мнению исследователя, формируют:

- установочные диспозиции;
- ценностные репрезентации;
- аксиомы сознания;
- система универсальных оппозиций;
- сфера переживаний;
- стереотипизированные паттерны мышления;

- семиотика поведенческих практик[5].

Данная теоретическая модель, несмотря на ее общефилософский характер, обладает значительным эвристическим потенциалом для понимания правового менталитета, поскольку акцентирует внимание на многослойности и иерархичности ментальных структур, что особенно релевантно при анализе деструктивных процессов, которые могут затрагивать различные уровни правоментальной организации с неодинаковой интенсивностью.

Альтернативную исследовательскую оптику предлагает А.И. Рёдель, концептуализирующий структуру менталитета через дихотомию ядра и периферии, в соответствии с которой ценностно-смысловое ядро конституируют устойчивые духовные ценности, их приоритетную иерархию и этнокультурные архетипы, детерминирующие своеобразие мировосприятия и жизненных практик. Периферию создают темпоральные, новообразованные или заимствованные ценности, смещения в их иерархии. Обмен элементами ядра и периферии инициирует эволюционные и революционные процессы в ментальности. Транзит из периферии в ядро получают лишь те ценности и смыслы, которые изоморфно интегрируются в его состав или не диссонируют с ним [6].

Данная концептуальная схема нам представляется методологически продуктивной для анализа российского правового менталитета, поскольку позволяет дифференцировать устойчивые, исторически укорененные компоненты правового сознания от относительно поверхностных, конъюнктурных наслоений, что критически важно при исследовании трансформаций правоментальной сферы.

Современные социологические исследования дифференцируют в структурной организации менталитета три уровня.

Первый – партикулярная культура – формируется на уровне социального бессознательного, манифестирующего себя в циклическом процессе при движении из сферы приватной жизни в социальное человеческое сообщество и в обратном направлении. На данном уровне конституируется личность, ее социальные роли, а также характер взаимодействия с другими индивидами.

Второй уровень – духовная самоопределенность – характеризует культуру конкретной социальной общности, ее специфику и адаптационные способности. На этом уровне артикулируются правила

социального взаимодействия и формулируются правовые позиции.

Третий уровень – социальный отклик – формируется естественной и целенаправленной реакцией людей на специфические символические и функциональные социальные образования: политику, власть, государство.

Социологические исследования и опросы общественного мнения, рефлексиирующие в настоящее время отношение граждан к действующему праву и правовым институтам, представляют собой индикаторы манифестации третьего уровня современного национального менталитета российского общества[7].

Е.Б. Шестопал, анализируя смысловую структуру близкого к правовому менталитету понятия «политический менталитет», дифференцирует его структуру на два блока элементов: познавательные и мотивационные.

К познавательным отнесены знания о политике, информированность, интерес, убеждения, способ мышления (когнитивный стиль).

К мотивационным же относятся потребности, ценности, установки, чувства, которые в содержательном плане непосредственно зависят от познавательного блока элементов[8].

Экстраполируя данную бинарную схему на правовую материю, мы полагаем возможным выделить в структуре правового менталитета:

- когнитивно-гносеологический компонент, включающий правовые знания, представления о праве, юридические убеждения и специфический правовой стиль мышления;

- аксиологически-мотивационный компонент, охватывающий правовые потребности, ценностные правовые ориентации, правовые установки и правовые чувства.

Обращаясь к специфической правовой проблематике структурной организации менталитета, следует отметить, что в юридической науке данный вопрос остается недостаточно разработанным, хотя отдельные исследователи предпринимали попытки концептуализации структуры правового менталитета.

Так, детализированную концепцию структуры правового менталитета предложил Р.С. Байниязов, который указывает на то, что правовой менталитет складывается из специфического набора стереотипов, установок, идей, моделей поведения, привычек и ценностей.

Принципиально значимым нам представляется то обстоятельство, что исследователь не инкорпорирует в правовой менталитет бессознательный правовой уровень (юридическое подсознание), квалифицируя их как разноплановые явления в структуре правосознания. Автором было акцентировано внимание на том обстоятельстве, что юридическому бессознательному имманентны неосознаваемые юридико-этические реакции, импульсы, правовые инстинкты, внезапные «вспышки» рациональности, пробуждение юридической интуиции[9].

Эта позиция, однако, нам представляется дискуссионной, поскольку исключение бессознательного компонента из структуры правового менталитета редуцирует аналитические возможности данной категории, особенно при исследовании глубинных, нерелефлексированных паттернов правового поведения российских граждан.

Альтернативный подход демонстрирует Д.В. Меняйло, выделяющий в структуре правового менталитета два взаимодействующих уровня сознательного и бессознательного – совокупность осознаваемых и неосознаваемых представлений, стереотипов, ценностно-правовых ориентаций, правовых установок определенной социальной общности в сфере политико-правовой повседневности [10].

Данная концепция нам представляется более адекватной реальной структуре правового менталитета, поскольку учитывает, как рациональные, рефлексированные компоненты правового сознания, так и иррациональные, автоматизированные, привычные паттерны правомерного или противоправного поведения, которые зачастую не подвергаются критической рефлексии со стороны субъектов.

Конвергентную с воззрениями Д.В. Меняйло, но, вместе с тем, более операционализированную структурную модель правового менталитета предлагает О.В. Довлекаева, которая эксплицирует триадическую композицию данного феномена, инкорпорирующую осознанные и неосознанные компоненты.

Согласно ее доктринальной позиции, правовой менталитет включает в себя следующие элементы:

- осознанные и неосознанные представления о правовой реальности, выполняющие функцию когнитивного мотива правового поведения;
- ценностные правовые ориентации, носящие как осознанный, так и неосознанный характер и выполняющие функцию ценностного мотива правового поведения - правовые установки и установки;
- осознанные готовности и неосознанные predispositions реагировать определенным образом на ситуацию» [11].

Методологическая ценность данной концепции заключается в том, что она не только идентифицирует структурные компоненты правового менталитета, но и артикулирует их функциональное предназначение в качестве мотивационных детерминант правового поведения.

Наиболее комплексную и детализированную структурную модель правового менталитета разработал Р.М. Овчиев, постулирующий наличие четырех элементов, образующих целостность данного феномена и раскрывающих его сущность и социальное предназначение.

Первый элемент – когнитивный, охватывающий правовое мировоззрение и правовое мышление. Обращаясь к воззрениям П.П. Баранова [12], автор подчеркивает, что такие явления, как юридическое мировоззрение и правовое мышление, традиционно составляют часть правовых явлений, входящих в сферу духовного мира человека, а основу юридических

взглядов конституирует «совокупность идей, взглядов и представлений правового характера, которые разделяются человеком» [13].

Второй элемент правового менталитета, согласно концепции Р.М. Овчиева, может быть репрезентирован как оценочный, демонстрирующий, каким образом в сознании общества или конкретного человека опосредуются правовые ценности, каковы его ценностные ориентации. В сознании индивида находят свое отражение четыре типа оценочных отношений: к праву как таковому (то есть, к правовой реальности вообще); к государственно-правовой системе, в которой живет конкретный человек; к правовому поведению окружения; к собственному правовому поведению (так называемая самооценка личности).

Третий элемент, формирующий правовой менталитет – коммуникативный – непосредственно коррелирует с правовыми традициями, присущими данному типу социальной организованности, репрезентирующими собой опыт, который аккумулирует правовые ценности, в определенных пространственно-временных рамках транслируется от одного поколения к другому и приобретает устойчивые формы своего внешнего выражения, манифестирует себя в государственно-правовом пространстве данного общества. Именно традиции в организованных социальных общностях объединяют правовые ценности и обеспечивают их межпоколенческую трансмиссию.

Четвертый конституент правовой менталитета – сензитивный элемент, характеризующий эмоциональную сферу человека и отражающий его правовую психологию, которая охватывает совокупность ценностных отношений, настроений, желаний и переживаний, характерных для личности или для конкретного общества в целом. Эмоционально-психологический компонент правового менталитета российских граждан включает специфические правовые чувства, аффективные реакции на правовые феномены, эмоциональное отношение к праву, государству, правоохранительным органам, что существенно влияет на характер и направленность правового поведения.

Анализ представленных доктринальных подходов к структурной организации правового менталитета позволяет констатировать, что большинство исследователей, при всем разнообразии предлагаемых концептуальных схем, ориентируются преимущественно на дихотомические модели структурирования (сознательное/бессознательное, ядро/периферия, внешнее/внутреннее) либо на стратификационные модели, основанные на глубине залегания элементов в психике субъекта.

Вместе с тем, нам представляется, что такие подходы, обладая несомненной эвристической ценностью для общетеоретического анализа правового менталитета, не в полной мере учитывают специфику последнего как функционально дифференцированного феномена, элементы которого выполняют различные роли в детерминации правового поведения и правовой жизни субъектов.

Вместе с тем, критически важным является не столько определение уровней глубины или степени осознанности элементов правоментальной сферы, сколько понимание того, какие именно функциональные компоненты правового менталитета подвергаются трансформациям (в том числе деструктивным), каковы механизмы и последствия разрушения каждой из функциональных подсистем.

В этой связи, методологически обоснованным нам представляется предложить функциональную структурную модель правового менталитета, базирующуюся на дифференциации его элементов не по критериям глубины залегания или степени рефлексивности, а по критерию выполняемых ими специфических функций в правовой жизнедеятельности субъектов. Данная модель позволяет, с одной стороны, интегрировать достижения предшествующих исследователей, а с другой – обеспечить адекватный инструментарий для анализа динамических процессов в правоментальной сфере.

Результаты.

Итак, согласно предлагаемой концепции, структура правового менталитета может быть репрезентирована как система четырех взаимосвязанных и взаимообусловленных функциональных подсистем:

- когнитивно-репрезентативной подсистемы – она обеспечивает познание, отражение и осмысление правовой реальности; включает правовые знания, представления, образы права, стереотипы правового восприятия, способы правового мышления;
- аксиологически-нормативную подсистему – она обеспечивает оценку правовых явлений и формирование нормативных ожиданий; включает правовые ценности, идеалы, иерархию правовых приоритетов, нормативные правовые ожидания;
- эмоционально-психологическую подсистему – она обеспечивает эмоциональное переживание правовой реальности; включает правовые чувства, переживания, эмоциональные установки по отношению к праву, правовые аффекты;
- праксиологическую подсистему – она обеспечивает трансформацию ментальных структур в правовое поведение; включает правовые установки, аттитюды, поведенческие паттерны, правовые навыки, диспозиции к правомерному или противоправному поведению.

Выделение именно перечисленных подсистем детерминировано логикой функционирования человеческой психики в правовой сфере: от восприятия и познания правовой реальности – через ее аксиологическую оценку и эмоциональное переживание – к формированию готовности действовать определенным образом в правовом пространстве.

Каждая из этих подсистем обладает относительной автономией, однако их интегрированное функционирование обеспечивает целостность правового менталитета как единого феномена.

Так, когнитивно-репрезентативная подсистема выполняет гносеологическую функцию, обеспечивая познание и осмысление правовой реальности. Она

инкорпорирует правовые знания различной степени систематизации – от фрагментарных обыденных представлений до концептуализированных правовых теорий, правовые образы и репрезентации, формирующиеся через опыт взаимодействия с правовыми институтами и правовую социализацию, а также правовые концепты, способы правового мышления и стереотипы правового восприятия. Функциональное предназначение данной подсистемы заключается в создании относительно устойчивой картины правовой реальности, обеспечивающей субъектам правовую ориентацию, прогнозирование правовых последствий действий и понимание правовых требований.

Аксиологически-нормативная подсистема выполняет оценочную и регулятивную функции, обеспечивая ценностную квалификацию правовых явлений и формирование нормативных ожиданий. Она включает правовые ценности различных уровней – от фундаментальных (справедливость, свобода, безопасность, достоинство) до инструментальных (законность, правопорядок), правовые идеалы, репрезентирующие представления о совершенном правовом устройстве, нормативные правовые ожидания к функционированию институтов и иерархию правовых ценностей, определяющую приоритеты в ситуациях конфликтов. Функциональное предназначение данной подсистемы – обеспечение аксиологической легитимации правовых норм, формирование ценностного отношения к праву, создание нормативной основы для оценки правового поведения и выполнение мотивационной функции.

Эмоционально-психологическая подсистема выполняет аффективную функцию, обеспечивая эмоциональное переживание правовой реальности. Она включает правовые чувства различной модальности – от позитивных (уважение к праву, чувство защищенности, удовлетворение от справедливого разрешения конфликта) до негативных (правовая фрустрация, незащищенность, страх перед правоохранительными органами, возмущение несправедливостью), правовые переживания, эмоциональные установки по отношению к праву и правовые аффекты в ситуациях острых конфликтов. Функциональное предназначение подсистемы – обеспечение эмоциональной окрашенности правового опыта, формирование эмоциональной связи с правовой реальностью, мобилизация психической энергии для правовой активности и выполнение сигнальной функции, индицирующей соответствие или несоответствие правовой реальности ценностным ожиданиям.

Праксиологическая подсистема выполняет регулятивно-поведенческую функцию, обеспечивая трансформацию правовых знаний, ценностей и чувств в конкретные формы правового поведения. Она инкорпорирует правовые установки как осознанные готовности действовать определенным образом, правовые аттитюды как неосознанные предрасположенности к поведенческим моделям, поведенческие правовые паттерны и стереотипы как привычные автоматизированные способы реагирования, правовые навыки

и компетенции, диспозиции к правомерному или противоправному поведению. Функциональное предназначение подсистемы – реализация правового менталитета в конкретном поведении, трансформация ментальных структур в правовую практику, детерминация выбора правомерных или противоправных стратегий поведения и выполнение адаптивной функции.

Принципиально важным является понимание того, что выделенные четыре функциональные подсистемы правового менталитета не существуют изолированно, а находятся в отношениях взаимной детерминации и функциональной взаимозависимости:

Когнитивно-репрезентативная подсистема обеспечивает информационную основу для функционирования аксиологически-нормативной: невозможно оценивать то, о чем не имеешь представления.

Аксиологически-нормативная подсистема детерминирует селективность когнитивных процессов: субъекты склонны воспринимать и запоминать ту правовую информацию, которая согласуется с их ценностными ориентациями.

Эмоционально-психологическая подсистема придает энергетический заряд правовым знаниям и ценностям, трансформируя их из абстрактных конструкций в личностно значимые феномены.

Праксиологическая подсистема интегрирует когнитивные, аксиологические и эмоциональные компоненты, реализуя их в конкретных формах правового поведения, которое, в свою очередь, генерирует новый правовой опыт, корректирующий содержание всех предшествующих подсистем.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что существующие в юридической науке дихотомические и стратификационные модели структурирования правового менталитета, несмотря на их теоретическую значимость, не обеспечивают адекватного понимания механизмов детерминации правового поведения и процессов трансформации правоментальной сферы.

Обоснованная функциональная структурная модель правового менталитета, основанная на выделении четырех взаимообусловленных подсистем (когнитивно-репрезентативной, аксиологически-нормативной, эмоционально-психологической и праксиологической), позволяет идентифицировать специфические механизмы функционирования каждого структурного компонента и характер их взаимодействия в процессе детерминации правового поведения субъектов.

Следует подчеркнуть, что деструктивные процессы в правовом менталитете носят системный характер: деформации одной функциональной подсистемы неизбежно индуцируют дисфункции в других компонентах правоментальной структуры, что обуславливает необходимость комплексного подхода к диагностике и коррекции правоментальных деструкций.

Предложенная модель создает методологический фундамент для эмпирических исследований динамики правового менталитета российского общества, разработки критериев диагностики состояния правоментальной сферы и формирования научно обоснованной правовой политики в области правовой социализации и правового воспитания населения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 книгах. М.: Экономика, 1989. К. 1. С. 155.
2. Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина. М., 1996. С. 20.
3. Дашковский, П. К. К вопросу о соотношении категорий "менталитет" и "ментальность": историко-философский аспект / П. К. Дашковский // Философские дескрипты. Том 2. - Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. - С. 36-43. EDN: SMVLCF
4. Забелина Н.А. Менталитет и ментальность // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2007. № 1 (1). С. 19-25. EDN: NBQGRV
5. Усенко О.Г. К определению понятия "менталитет" // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994. С. 4.
6. Рёдель А.И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 117.
7. Соломатова С.Н. Влияние особенностей российского менталитета на процесс становления гражданского общества в России // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 111. EDN: JXBYXT
8. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2022. С. 254.
9. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 255. EDN: NOYYGN
10. Меняйло Д.В. Правовой менталитет: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 64. EDN: NMGNPF
11. Довлекаева О.В. Правовой менталитет: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 12. EDN: YGVOKC

12. Баранов П.П. Правовая сфера духовного мира человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 56. EDN: WYPVED

13. Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 86. EDN: NODCOX

References:

1. Bogdanov A.A. Tectology: a universal organizational science: in 2 books. Moscow: Ekonomika, 1989. K. 1. S. 155.
2. Duby J. The history of mentalities // The history of mentalities, historical anthropology: Foreign studies in reviews and abstracts / comp. E.M. Mikhina, M., 1996. p. 20.
3. Dashkovsky, P. K. On the question of the relationship between the categories "mentality" and "mentalities": a historical and philosophical aspect / P. K. Dashkovsky // Philosophical descriptions. Volume 2. Barnaul: Altai State University, 2002. pp. 36-43. EDN: SMVLCF
4. Zabelina N.A. Mentality and mentalities // Theory of language and intercultural communication. 2007. No. 1 (1). pp. 19-25. EDN: NBQGRV
5. Usenko O.G. On the definition of the concept of "mentality" // Russian history: problems of mentality. Moscow, 1994. pp. 4.
6. Redel A.I. Russian mentality: towards sociological discourse // Sociological Research. 2000. No. 12. C. 117.
7. Solomatova S.N. The influence of the peculiarities of the Russian mentality on the process of formation of civil society in Russia // Omsk Scientific Bulletin. 2007. No. 4 (58). P. 111. EDN: JXBYXT
8. Shestopal E.B. Political psychology: textbook. 6th ed., revised Moscow: Aspect Press Publishing House, 2022. p. 254.
9. Bainiyazov R.S. Legal awareness and legal mentality in Russia: Dis. ...Dr. Jurid. sciences'. Saratov, 2006. P. 255. EDN: NOYYGN
10. Menyailo D.V. Legal mentality: Dis. ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2003. p. 64. EDN: NMGNPF
11. Dovlekaeva O.V. Legal mentality: socio-philosophical analysis: Dis. ... PhD in Philology. sciences'. Rostov-on-Don, 2007. p. 12. EDN: YGVOKC
12. Baranov P.P. The legal sphere of the spiritual world of man // North Caucasian Law Bulletin. 1998. No. 1. P. 56. EDN: WYPVED
13. Ovchiev R.M. Legal culture and the Russian legal mentality: Dis. ... kand. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2006. p. 86. EDN: NODCOX

Информация об авторе:

Матюшенко Ксения Борисовна, старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева martinkb@inbox.ru
Kseniya B. Matyushenko, Senior Lecturer at the Department of General Theoretical Legal Disciplines, North Caucasian branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.07.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.